

Ч. М. Таксами

К вопросу о культе предков и культе природы у нивхов

Анализ материалов по религиозным верованиям нивхов, опубликованных в научной литературе и хранящихся в архивах, а также собранных нами, приводит к заключению, что у нивхов преобладали верования до-шаманского периода. Шаманизм вообще не получил у них широкого распространения и практически прекратил свое существование в 30-е годы нашего столетия.

По своему мировоззрению нивхи были анимистами. Они считали возможным обеспечить себе жизненное благополучие путем строгого выполнения всевозможных обрядов и запретов. Почти при всех обстоятельствах нивхи обращались за помощью к различным идолам: хозяину дома, хозяину воды и моря, хозяину леса и гор, вселенной и т. д. Таким образом, в каждом нивхском доме, а иногда в амбарах и в лесу хранились многочисленные идолы. Среди них особое место занимает *тыв ыз*, что буквально означает «хозяин дома» (*тыв* — дом, *ыз* — хозяин), «хранитель дома». Иногда называют его просто *тав чңай* (букв. — изображение дома). Мы встречали и название *тыв атак* — дедушка дома.

Наличие *тыв ыза* у нивхов было отмечено еще Л. И. Шренком: «Когда я заставил показать себе идолов в юрте, то увидел, что на балках над задними нарами стояли три большие человеческие фигуры из дерева со старым, потемневшим от копоти цахом вокруг шеи, как это в обычае у ольчей».¹ О *тыв ызе* есть сообщение Л. Я. Штериберга, который также наблюдал его у нивхов.²

Большинство нивхов еще в 30-е годы хранили родовых покровителей дома. В настоящее время они имеются только у некоторых стариков.

В прошлом деревянного идола — хозяина дома делали по решению самого старшего и уважаемого в роде человека (*пила нивх* — большой человек) и редко — по совету шамана. Вырезал фигурку человек, которому поручал это *пила нивх* либо шаман. Конечно, это зависело от обстоятельств, заставивших обратиться к помощи идола.

Но в большинстве случаев идолов — покровителей дома изготавливали сами старики. Нам рассказывали, что иногда материал для идола подбирали близкие родственники. Однако лицо хозяев, их рот, глаза и т. д., мог вырезать только старший в доме.

Идола вырубали, как правило, из комлевой части лиственницы, ели и березы. *Тыв ыз* обычно представляет собой деревянную фигуру человека

¹ Л. И. Шренк. Об инородцах Амурского края. Т. II. СПб., 1899, стр. 112.

² Л. Я. Штериберг. Материалы по изучению гилацкого языка и фольклора. СПб., 1908, стр. 127.

по пояс или во весь рост. Лицо, прическа обозначены схематично. Изображали хранителя дома не только в образе мужчины, но и женщины. Иногда идола ставились дома парами.

Поясную часть фигуры всегда обматывали узкой полосочкой материи, чаще всего белого цвета. Это называлось *чалзытть* — одежду делать. Сверху обертывали стружками из тальника — *твайвадь*, — которые служили постелью для идола. Хранили домашних идолов в большом каркасном жилище на специальной полке у задних нар для почетных гостей. В полуземлянках их также ставили у задних нар, над очагом, под дымовым отверстием, т. е. в специальных жертвенных местах. В срубных домах идола хранились около задней стены, между двумя окнами, которые по-нивхски называются *кинз хуты* — отверстия чертей.

Несколько идолов — родовых хранителей дома находятся в фондах МАЭ. Представляют интерес два изображения, привезенные Л. Я. Штернбергом в 1910 г. Одно из них (колл. № 1764-133/2) — фигура, сделанная из дерева, с конической головой и плоским лицом. Обрубок очищен от коры, кора оставлена только вокруг шеи, которая, кроме того, обмотана большим пучком стружек. Идол был приобретен в селе Малоаркыво (западное побережье Сахалина).

Другое изображение (колл. № 1764-134/2) такое же, но с двумя косыми срезами по задней стороне головы. Фигура представляет женщину.

Женские идола встречались одинаковой величины с мужскими (высотой до 40—50 см). Большинство из них — стилизованное изображение человеческих фигур, но на плоском лице отмечены нос и глаза. У многих женских фигур на месте глаз вставлены бусинки.

Несколько таких идолов хранятся в ГМЭ. Под колл. № 51169-113 числится *таф-ччай* — деревянная фигурка высотой 15 см со сложенными на груди руками и каким-то наростом на месте пупка. Приобретена она у нивхов сел. Ныйво на восточном побережье Сахалина. Под колл. № 5169-956 значится поясное изображение человека. У него две головы: человека и птицы. Фигурка опоясана материей и обернута стружками. Высота ее 16 см. Идол был приобретен в сел. Кякрво на восточном побережье Сахалина. Еще один тыв ыз (колл. № 6169-79) был привезен из сел. Кальма на Амуре. Это грубое изображение человека без рук и ног, на голове его едва обозначены глаза и рот.

В этом же музее находятся и другие домашние хранители — муж и жена (колл. № 5169-92а, б). У одной деревянной фигурки острая коническая голова, левая нога укорочена, у второй правая нога отломана, лица у обеих широкие, плоские. Фигурки обернуты кусочками медвежьей шкуры и соединены вместе веревочкой. Высота их 16 и 13 см. Привезены они из сел. Тахта на Амуре.

Во время полевой работы в 1957 г. мы имели возможность обнаружить подобные изображения.

В сел. Кальма, в доме О. И. Чймак, на чердаке хранился тыв ыз. Хозяйка называла его тыв атак. Это была стилизованная фигура до пояса, вырубленная из осины и многогранная по окружности. Высота ее около 50 см. По свидетельству хозяйки, идол перешел к ее мужу от его братьев. После смерти мужа никого из взрослых членов рода не осталось в живых. Дети ее учились в школе и находились в отъезде, поэтому она считала себя обязанной хранить этого идола.

От нивха Ячка в сел. Кальма нами был записан следующий рассказ. По не известной ему причине в доме его родителей не было идола — родового хранителя дома, а у них умерло подряд пять новорожденных детей. По совету шамана в 1906 или 1907 г. эта семья из села Усть-Амгунь пе-

реехала в село Хок. Кроме того, шаман велит сделать тыв ыза. Для этого следует поехать на Дальжинское озеро, от озера отходит речка, по ней нужно доехать до одиноко стоящего ельника и срубить тыв ыза. Отправиться в путь они должны летом и всей семьей. Прямо через озеро проехать нельзя, поэтому нужно двигаться вдоль левого берега. В пути необходимо сделать остановку. Если суждено счастье, то после остановки с гор будет галопом спускаться олень. Надо убить его, сразу разделать и у ельника сварить мясо. Затем хорошо отдохнуть, срубить тыв ыза и на следующий день вернуться домой по правому берегу озера. После этого дети не будут умирать и все вырастут. Родители поступили так, как сказал шаман. Дома сделанную фигуру они поставили на полку, висевшую над задней нарой. После этого у них родилось еще пятеро детей. Никто из них не умер, и все жили долго. Одним из оставшихся в живых является наш рассказчик Ячко. После смерти родителей тыв ыз хранился у старшего сына, и после его смерти идола взял к себе Ячко. Тыв ыз хранят в основном мужчины — члены рода.

На место, предназначенное для хозяина дома, стелют ветки ели. При установлении идола в доме ему специально устраивают угощение: приготавливают мось (студень из вареной и толченой рыбьей кожи, тюленьего жира, ягод и воды), кашу, вареную рыбу, ягоды и т. д. Этой едой мажут идолу губы. Затем его обертывают и укрывают старой одеждой самого пожилого и уважаемого человека в доме и устанавливают на постоянное место. Впоследствии идола «кормят» после хорошего промысла и удачной охоты, на медвежьих праздниках, на праздниках ледостава и вскрытия реки и моря, во время кормления хозяина вселенной и т. д.

Устраивают идолу угощение и во время болезни обитателей дома, особенно детей. По поверьям нивхов, образ предка после хорошей еды наберется сил и будет излечивать больных, изгонять злых духов.

Нивхи считали, что если у них хороший *атак* — дед, то домашние всегда будут жить в благополучии и здоровье. «*Тыв ызмур нивх ытнудь*» — «Став хозяином дома, оберегает людей», — говорят нивхи про этих идолов-дедов.

Жители сел. Кальма сообщили нам, что к тыв ызу могут прикасаться только старейшие в доме. Этот идол почти всегда хранится в жилище, на постоянном месте, но иногда его «беспокоят». Так, во время медвежьего праздника, когда медвежьей голову и шкуру вносят через окно задней стены, идола передвигают левее, к стене, расположенной поближе к воде. Если на празднике бывает очень много народу, то «хозяина дома», чтобы не стеснять, выносят в амбар. Его хранят там на специальной полке — *ньһымр*, — которая представляет собой дощечку, положенную на продольные жерди, проходящие через фронтовую часть амбара, и также укрывают одеждой старшего в доме.

Иногда идола уносят в лес и оставляют в укромном месте, под деревом. Видимо, такое решение старейший принимает тогда, когда, по его мнению, дух родового хранителя дома, стоящий долго в жилище, настолько уже стар, что неспособен противостоять козням злых сил. И в то же время сам старейший находится в таком возрасте, когда ему «не страшны никакие злые духи и он сам может выступать в образе хозяина дома».

В лесу сооружают миниатюрный шалаш из веток ели и оставляют идола в углу, лицом к восходу солнца. Идола несет старший в доме, он же ведет черную собаку, привязав ее к поясу, будто бы хозяин дома сам ведет с собой собаку.

В лес идут всего два-три человека; они несут лакомую еду — кашу, мось, ягоды, рыбу (осетра, ленка, сазана) и табак. Этой едой понемногу

«кормят» идола и собаку. Оставшуюся еду уносят домой. Собаку приводят домой и привязывают за большой священный столб *пила қас* в середине жилища. Затем угощают всех находящихся в жилище и снова собаку. После этого место укрытия идола больше не посещают. Но все домашние хорошо помнят, что в таком-то укромном месте находится родовой хранитель их дома, и никому не позволяют его осквернить.

В этой связи хотелось бы привести один случай, свидетелем которого мне пришлось быть. В 1957 г. я собирал этнографический материал в родном селении Кальма. В это же время там собирала и покупала этнографические коллекции сотрудница одного музея. Два нивха (старик и молодой человек) решили подзаработать. Они унесли из леса идолов, в том числе и родовых хранителей дома, принадлежавших роду основателя сел. Кальма, и продали их. Об этом узнали старейшие жители и так возмутились, что пришлось вернуть идолов и установить на прежнем месте. Кальманцы до сих пор говорят, что раз эти люди продали предков, то могут продать родителей, детей и родственников.

Во время экспедиционных поездок мы видели у нивхов парных оловянных идолов, изображающих мужчину и женщину — родовых хранителей дома. Эти идолы играют такую же роль, как деревянные, но их стали изготавливать сравнительно недавно и имеются они в немногих семьях.

Таким образом, об идолах тыв ыз, тыв атак можно сказать следующее. Вырубая идола, старейший обитатель дома отождествлял его с одним из своих предков, который обладал большой силой, умел сражаться со злыми духами и ладить с добрыми, умел познавать природу и бороться со стихией, был мудрым, славился хорошей охотой и промыслом. Идол, обладающий такими качествами, всегда мог противостоять злым духам и побеждать их, мог оказать помощь своим потомкам и сородичам. Одним словом, идол, по мнению нивхов, обладал реальной силой.

В нивхском жилище жили обычно члены нескольких семей одного и того же рода и тыв ыз покровительствовал всем им. Поэтому его можно считать родовым прокровителем дома. Название идола тыв ыз или тыв атак вполне соответствует этим функциям. И в прошлом, когда у нивхов члены рода жили в одном селении и имели большие дома, идол тоже был родовым. Его хранили в большом доме и ему устраивали кормление. Можно предполагать далее, что термин «тив атак» наиболее древний и связан с тем периодом, когда родовой строй у нивхов не достиг еще стадии разложения.

Наличие женских фигур в роли хозяйки дома и право *ычик* — бабушки выступать в роли хранительницы тыв ыза свидетельствует о том, что в патриархальном нивхском обществе женщина занимала высокое положение.

Идолы под названием «хозяйки дома» встречались и у других малых народов, населяющих Нижний Амур и Сахалин. Видели их в негидальских, ульчских и орокских селениях. Деревянные идолы являлись обязательными атрибутами жилищ, где жили смешанные нивхско-негидальские, ульчские и орокские семьи.

В МАЭ имеется несколько нанайских идолов, которые в описи также обозначены как «хозяйин дома». Особенный интерес представляют идолы, привезенные Л. Я. Штернбергом и А. Н. и Н. А. Липскими.

В описаниях коллекций Л. Я. Штернберга мы читаем об идоле, доставленном из сел. Торгон (колл. № 1765-9): «Большой джулин, изображающий хозяина дома. Делают его и по случаю болезни по указанию шамана. Делаются только из лиственницы или осины». По поводу второго (колл. № 1765-10) сказано, что он с бусинами вместо глаз и с отмечен-

ными руками, сложенными на груди. Приобретен в сел. Сахачи Алян. О третьем идоле, из сел. Торгон, известно, что он изображает женщину — хозяйку дома, у которой тоже сложены руки на груди (колл. № 1765-11).

Из коллекции Липских один идол изображает хозяина, а другой — хозяйку. Оба приобретены в сел. Джары. Хозяин (колл. № 5747-188) представляет собой антропоморфное деревянное изображение предка — *уку ама*. Голова идола округлая, на лице рельефно изображены нос, надбровные дуги и уши. В глазные впадины вставлены две бусинки зеленоватого цвета. Глубокая поперечная черта изображает рот. Руки отсутствуют. Ноги согнуты в коленях. Фигура завернута в две полоски шелка. Одна из них, черная с голубой подкладкой, покрыта вышивкой, сделанной цветным шелком и простой ниткой (зеленовато-коричневого оттенка). Высота фигуры — 30 см, ее наибольшая ширина — 12 см.

Под колл. № 5747-189 хранится антропоморфное деревянное изображение женщины-предка *яянка эне*. Голова фигуры округлая, с плоским теменем. Лицо имеет рельефные изображения носа, надбровных дуг и ушей. Глаза представлены двумя зеленоватыми бусинами. Глубокая поперечная черта изображает рот. Руки отсутствуют. Ноги согнуты в коленях. Фигура завернута в два кусочка шелка. Высота фигуры — 30 см, наибольшая ширина — 12 см.

Распространение родовых хранителей дома у народов Нижнего Амура и Сахалина закономерно. Находясь на одной и той же ступени общественного развития, нивхи, ульчи, нанайцы, орочи, негидальцы и ороки длительное время сохраняли элементы первобытной идеологии.

Культ предков находит отражение также в почитании нивхами природы — культ воды, леса и земли. В жизни нивхов решающую роль играли промыслы рыбы и морского зверя, охота на лесных зверей и сбор съедобных трав и ягод; богатства моря, рек и тайги были основным средством существования. Поэтому естественно, что народ обожествлял природу, особенно воду и тайгу. Основными хранителями культа природы и руководителями обрядов, связанных с ним, были пожилые нивхи, мужчины и женщины. Тесное соприкосновение культа природы с культом предков особенно заметно при ритуальных обрядах кормления воды и земли. По мнению нивхов, в море и в тайге существовала жизнь, как у людей. От взаимоотношений людей с природой зависело их материальное благополучие. На основе этого возникли многие обряды и обычаи.

По древнему представлению нивхов, водное пространство — это целая живая система, построенная так же, как и человеческий мир. Они сравнивали море с большим домом, в котором был хозяином седоволосый старик или старуха. В доме жили различные рыбы и тюлени, росли водоросли. Все это получило отражение в фольклоре. Надо заметить, что в нивхском фольклоре очень много вариантов описания подводного мира. Некоторые из них записаны нами во время сбора полевых этнографических материалов. Предания о подводном царстве были опубликованы в работе А. М. Золотарева.³

«Седовласые старики и старухи», которых нивхи называли хозяевами моря, в фольклоре изображались по-разному. Иногда их представляли в виде таинственных чудовищ или животных. Нивхи, видимо, делали деревянные изображения этих хозяев. Возможно, именно воспроизведение хозяина моря хранится в фондах МАЭ (колл. № 4975-12). Эта деревянная скульптура изображает какого-то морского зверя; на крупной голове видны глаза и большая зубастая пасть; хвост вырезан с плавником; на

³ А. М. Золотарев. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939.

спине вырезана антропоморфная круглая голова с лицом. В описи этот идол значится как «бог моря». При добром отношении хозяина моря к людям он посылает им несметные стаи различных рыб и тюленей. Так, в одном сказании говорится, что если хозяин моря бросает для людей четверть шкуры, то рыбы в море мало; когда он бросает полшкуры — много; когда целую шкуру — то великое множество. В других сказаниях говорится: чтобы было много рыбы, хозяин моря бросает чешую или икру.

Чтобы сохранить хорошие отношения с хозяином моря, нивхи устраивали ему жертвоприношения в виде кормления. Большие кормления устраивали дважды в год: весной, во время освобождения воды ото льда, и глубокой осенью, во время становления льда. Только после кормления хозяина воды нивхи приступали к промыслу рыбы и морского зверя.

Большие весенние кормления устраивали следующим образом. Перед окончательным освобождением воды ото льда старший в семье (а раньше в роде) назначал день «кормления». Женщины приготавливали различные кушанья. В назначенный день поздно вечером нивхи брали блюда с едой и сушеный хвост осенней кеты и шли к воде. В первую очередь в прорубь со словами «*Ка! қа! қа!*» опускался хвост кеты. После этого из каждого блюда в прорубь бросали понемногу еды, предназначенной самому хозяину воды. Затем шли домой. Оставшуюся пищу уносили с собой. Все деревянные блюда с едой ставили перед идолом — хозяином дома. Затем старшие кормили его — мазали рот пищей из каждого блюда. Только после этого угощали сородичей.

Некоторые нивхи говорили, что, опуская хвост кеты, они кормили ездовую собаку хозяина воды. Но нам кажется, что здесь имеется другой смысл: таким образом нивхи показывали, что зимние запасы рыбы иссякли, остались только хвосты, и они просят прислать им рыбу.

При кормлении воды старший, сплевывая в воду, говорил: *Тол ыза! Ньыңах намагур мал огур чо ңыңгуя! Колафтилыһыгур ңыңгуя! Оһлагу та муйныгуя!* — «Хозяин воды! Позволь (сделай) нам хорошо (богато) рыбу ловить, сделай, чтоб мы ездили (по воде) без болезни, сделай, чтоб дети не болели!». После вскрытия реки устраивали праздник, который назывался *тол ардь* — «воду кормить». На нем организовывали различные игры, соревнования. Красивым зрелищем были гонки на многовесельных лодках. Нивхские женщины и девушки наряжались в богато орнаментированные халаты. Каждая мастерица демонстрировала свое искусство. Женщины исполняли лирические песни и танцы.

Кормление воды устраивали нивхи и после того, как река покрывалась льдом. Эти большие ритуальные торжества приурочивали к медвежьему празднику, который проводится в зимнее время. Здесь особенно захватывающее зрелище представляют гонки на собачьих упряжках, гонки лучших нартовых собак-передовиков. В этих соревнованиях принимали участие наиболее опытные каюры.

У нивхов имеются специальные деревянные блюда корытообразной формы, из которых «кормят» воду, — *толцир*. Такие блюда хранятся в фондах МАЭ и ГМЭ. Они имеются и в собраниях некоторых краеведческих музеев Дальнего Востока — в Хабаровске и Южно-Сахалинске. Эти блюда представляют определенный этнографический интерес. На них изображены птицы, рыбы и морские звери.

В коллекции МАЭ (колл. № 5536-140) зарегистрировано деревянное блюдо (рис. 1, а). Передний, выступающий конец его оформлен в виде головы рыбы в профиль, задний — в виде хвоста. На головной части отмечены жаберы, глаза и рот. В целом блюдо изображает рыбу. Другое блюдо

(колл. № 1764-59) толщир (рис. 1, б) тоже, видимо, представляет рыбу — ленка. Раздвоенный выступ блюда изображает хвост, округлый — голову. На выступах орнамент.

Числятся в коллекции МАЭ еще четыре блюда для кормления хозяина воды (колл. № К-6366). Нами дано описание двух блюд.⁴ На них, вероятно, изображены амурские осетровые рыбы. По нашему мнению, на нивхских ритуальных блюдах, предназначенных для кормления воды,

Рис. 1. Деревянные блюда в виде рыб и тюленя для «кормления хозяина воды».

а — МАЭ, колл. № 5536-140; б — МАЭ, колл. № 1764-59; в — МАЭ, колл. № 5536-141.

изображались наиболее ценные породы рыб, имеющие большое промысловое значение, — лососевые, осетровые и др.

Многие ритуальные блюда для кормления воды имеют форму морских зверей, в большинстве случаев — различных видов тюленей. Несколько таких блюд зарегистрировано в коллекции МАЭ. Одно из них (колл. № 5536-18) — деревянное, плоское, узкое, овальной формы, оканчивающееся с одной стороны выступом в виде головы животного, на которой обозначены глаза, с другой — выступом, на котором отмечены лапы животного. Этот выступ украшен резными переплетениями с ленточным узором. На такое блюдо кладется мось. Имеет вид тюленя (рис. 1, в) и другое блюдо (колл. № 5536-141).

Объяснения, почему нивхи делали изображение рыб и тюленей на ритуальных блюдах, пока не существует. Возможно, эти сосуды являлись как бы посредниками между нивхами и хозяином воды. Может быть,

⁴ Ч. М. Таксами. Дар нивхов Музею антропологии и этнографии. СМАЭ, 1964, XXII, стр. 199.

кормление из таких блюд символизирует доброе отношение людей к животным и рыбам. Видя это, хозяин воды, по мнению нивхов, присылает им много рыбы и тюленей.

У нивхов встречались блюда и с изображением птиц — главным образом, видимо, гагар. В коллекции МАЭ три таких деревянных блюда (колл. № 5536-151, 152, 153). Они (рис. 2) имеют птицеобразную форму с двумя выступами на концах: один представляет собой шею птицы (голова не изображена), другой — хвост. Очень оригинально старое деревянное блюдо (МАЭ, колл. № 1764-60), которое изображает гагару; на шейке и хвосте вырезан орнамент (рис. 3,а). Другое деревянное блюдо (МАЭ,

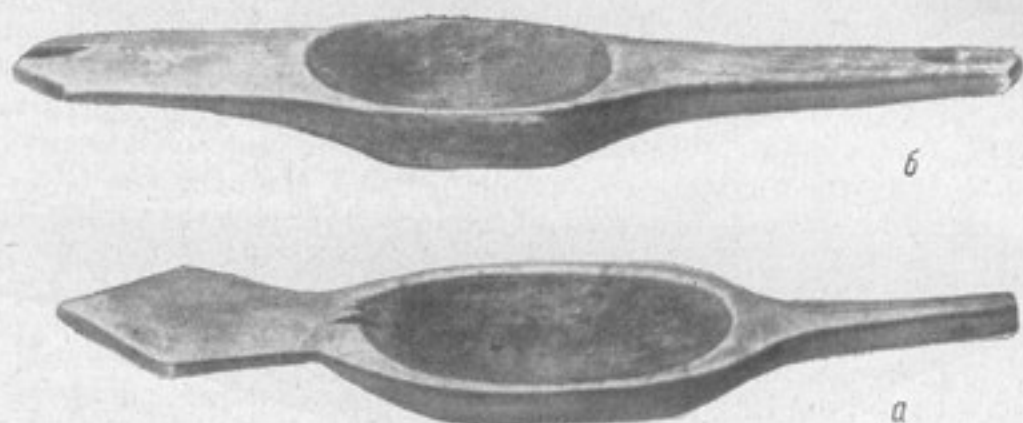

Рис. 2. Деревянные блюда в виде птиц.

а — МАЭ, колл. № 5536-152; б — МАЭ, колл. № 5536-153.

колл. № 1764-57) также сделано в виде гагары: на красиво вырезанной головке намечены линиями клюв и точками глаза, на выступе изображен хвост, линиями намечены перья (рис. 3,б). Изображение гагары (рис. 3,в) имеет и третье деревянное блюдо (МАЭ, колл. № 1764-58).

Гагара у нивхов, как и у многих народов Сибири и Дальнего Востока, олицетворяет благополучие и счастье. Ее изображением украшали нос плоскодонной лодки (делали фигуру из дерева или наносили рисунок гагары с двух наружных сторон).

Надо заметить, что кормление воды нивхи производили только из блюд, которые хранились в амбаре старших в роде или большой патриархальной семьи. Е. А. Крейнович предполагает, что раньше кормления носили родовой характер.⁵ Но в связи с разрушением рода и выделением семьи кормление проводила уже каждая семья.

Мы описали только большие кормления хозяина воды, которые нивхи называли *тол ардь* — воду кормить, *тол выкздь* — в воду вспрыскивать. Но у нивхов принято на промыслах, во время поездки по реке на лодках, бросать в воду табак. Так, обычно перед закидыванием или установкой сети старики закуривают и бросают в воду щепотку табаку. При этом говорят: «*Тола, ныйцах намагур чо ыцгуя!*» — «Вода, сделай (позволь), чтобы мы хорошо ловили рыбу». Интересно, что этот обряд старики сохраняют и в наши дни. Только после него они приступают к промыслу рыбы. То же самое делают, если путников застает сильный шторм во время передвижения на лодках.

⁵ Е. А. Крейнович. Пережитки родовой собственности и группового брака у гилаков. ТИЭ, 1936, т. IV.

Культ воды бытовал и у соседних с нивхами народов — ульчей, ороков, негидальцев и др. По описанию А. М. Золотарева, некоторые ульчи устраивали кормление воды по той же причине, что и нивхи. По его мнению, характерной чертой представлений ульчей является вера в многочисленность морского населения. Не одна женщина-хозяйка, а целые деревни «морских людей» — *тэмуни* — населяют море, являются его хозяевами. Ульчи не считали возможным существование одного, изолированного человека, они допускали лишь существование целых родов и деревень. А. М. Золотарев считал, что это безусловно древнейшее

Рис. 3. Деревянные блюда в виде птиц.

а — МАЭ, колл. № 1764-60; б — МАЭ, колл. № 1764-57; в — МАЭ, колл. № 1764-58.

представление, из которого только в дальнейшем могли выделиться персонифицированные образы хозяина и хозяйки моря.⁶ Надо заметить, что в кормлении Амура у ульчей очень много элементов, заимствованных ими непосредственно от аборигенов Нижнего Амура и Сахалина — нивхов. Жертвоприношение воде устраивали и нижеамгуньские негидальцы, которые были связаны с нивхами семейными узами. Специальные блюда для кормления воды имели лишь немногие семьи негидальцев. По качеству блюда уступали нивхским: обычно делали их грубо, небрежно, стилизованные изображения рыб и животных только намечались. Кормление воды устраивали и ороки Сахалина, которые занимались промыслом рыбы и морского зверя, но у них не было специальных жертвенных блюд.

Представление о женщине — хозяйке моря широко распространено у народов, обитающих на северо-востоке Азии и в Северной Америке, — у народов, расселенных на Тихоокеанском побережье. Эскимосы верили,

⁶ А. М. Золотарев. Родовой строй и религия ульчей, стр. 97—100.

что женское божество обитает на дне моря и у нее в хижине живут тюлени, моржи и прочие обитатели моря. Береговые чукчи приносили хозяйке моря регулярные жертвы весной и осенью. Иногда убивали собаку. Коряки тоже приносили собак в жертву хозяину моря.

У нивхов существовал также культ земли и тайги (леса). Предполагая, что в земле и в тайге живут хозяева местности, нивхи устраивали им кормления. Это делали по прибытии на новое местожительство, на охоте. Но в том и в другом случае кормили идолов-предков — хранителей дома. Так, прибывшие на новое место на постоянное жительство останавливаются всегда у своих сородичей. Поздно вечером они устраивают кормление хозяина земли в лесу. Затем дома блюда с едой ставят перед идолом — хозяином дома, устраивают ему кормление и только после этого угощают сородичей. Перед уходом на охоту охотник из своего завтрака в первую очередь «кормил» хранителя дома, а потом уже ел сам. Прибыв на охотничье угодье, он устраивал кормление хозяину земли, раскидывая под корни деревьев еду из своего запаса, и только после этого разжигал костер, сооружал шалаш.

Нивхи преклонялись перед природой. Они никогда не оскверняли ее, относились бережно к лесу, к земле. Считали, что от добрых отношений с природой зависит их здоровье, материальное благополучие. За отношением членов рода и их семей к природе всегда следили старики, они требовали от всех сородичей соблюдения тех или иных обрядов. Об этом напоминали старики при открытии охотничьего сезона, который начинается после принесения жертвы хозяину земли, тайги. Глубокой осенью перед охотничьим сезоном старший в роде, семье объявлял о дне жертвоприношений. В указанный день он уводил в лес черную лохматую собаку — *лук қан*. Вместе с ним шли только мужчины: взрослые сыновья и подростки. В лесу убивали собаку и варили мясо. На место жертвоприношения несли заранее приготовленную еду. Затем изготавливали стружку — *чах* — из рябины, ставили ее в стороне восхода солнца по отношению к жертвенному месту. После такого приготовления старший в роде брал немного еды из каждого блюда и бросал на восток. Затем он угощал понемногу всех, кто пришел с ним. Оставшуюся пищу несли домой и ставили около идола — хозяина дома. Перед трапезой старик «кормил» из всех блюд идола. После этого всю еду делили между сородичами.

Обряд жертвоприношения совершался в первую половину дня. Во время обряда старейший обращался к лесу, к хозяину земли со словами, в которых выражалась просьба сохранить здоровье, помочь добыть зверей, уберечь охотников и домашних от болезней и несчастий. Весь обряд жертвоприношения называется *палдох кызцыңдь*, что буквально означает «в лес счастье искать». Таким образом, культ природы нивхам прививался с детства и они придерживались его всю свою жизнь. При этом предок атак всегда почитался нивхами. Первоначально, видимо, он являлся хранителем рода, а впоследствии — семьи.
